

**СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ
ВАСИЛИЯ
ВЕЛИКОГО**

Симфония веры

**Симфония по творениям
святителя Василия Великого**

ТД "Белый город"

2009

ББК 88-372

Симфония по творениям святителя Василия Великого / ТД
"Белый город", 2009 — (Симфония веры)

«Симфония» по творениям свт. Василия Великого (330–379) содержит подборку высказываний святителя по главным темам, связанным с пониманием православного вероучения и основ духовной жизни.

ББК 88-372

, 2009
© ТД "Белый город", 2009

Содержание

А		6
	Ангелы	6
Б		8
	Бедность	8
	Бедствие	10
	Бездействие	11
	Безмолвие	12
	Безначальность	13
	Бесполезное	14
	Бесчувствие	15
	Благо	16
	Благодарение	18
	Благодать	21
	Благодеяние	23
	Благоразумие	24
	Благодетельность	25
	Благочестие	26
	Блаженство	27
	Ближний	29
	Близость Божия	30
	Блуд	31
	Бог	33
	Богатство	35
	Богатый	44
	Богопознание	45
	Брак	46
	Брань (борьба) душевная	49
В		50
	Важное	50
	Вдовство	51
	Ведение	52
	Вера	53
	Конец ознакомительного фрагмента.	54

Симфония по творениям святителя Василия Великого

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

Интернет- портал «Православная книга России»

www.pravkniga.ru

А

Ангелы

Приведение в бытие Ангелов совершило зиждительное Слово – Творец всего, а освящение им даровал Дух Святой, ибо Ангелы созданы не младенцами, которые бы потом, усовершенствовавшись через постепенное упражнение, сделались таким образом достойными принять Духа, но в первоначальный состав и, так сказать, раствор их сущности была вложена святость. Потому-то они не удобопреклонны ко греху, будучи немедленно, как бы некоторым составом, покрыты освящением и по дару Святого Духа имея постоянство в добродетели (2).

* * *

Ангел не отступит от всех уверовавших в Господа, если только не отгоним его сами худыми делами. Ибо как пчел отгоняет дым и голубей смрад, так и хранителя нашей жизни Ангела отдаляет многоплачевный и смердящий грех. Если имеешь в душе дела, достойные ангельского охранения, и обитает в тебе ум, обогащенный умозрениями истины, то по богатству неопценных дел добродетели Бог необходимо приставит к тебе стражей и хранителей и оградит тебя охранением Ангелов. Смотри же, какова природа Ангелов! Один Ангел равняется целому воинству и многочисленному ополчению. Итак, в величии твоего хранителя Господь дарует тебе ополчение, а в крепости Ангела как бы ограждает тебя отовсюду его защитой... Как городские стены, вокруг облекая город, отовсюду отражают вражеские нападения, так и Ангел служит стеной спереди, охраняет сзади и с обеих сторон ничего не оставляет неприкрытым (2).

Все Ангелы имеют как одно наименование, так, конечно, и ту же общую всем природу; однако же одни из них поставлены начальствовать над народами, а другие – быть сопутниками каждому из верных. Но в какой мере целый народ предпочтительнее одного человека, в такой же, без сомнения, по необходимости выше достоинство Ангела народоправителя в сравнении с достоинством Ангела, которому вверено попечение об одном человеке. А что с каждым из верных есть Ангел, который, как детоводитель и пастырь, управляет его жизнью, против этого никто не будет спорить, помня слова Господа, сказавшего: *не пренебрегайте ни одним из малых сих. Говорю вам, что Ангелы их на небесах непрестанно видят лицо Отца Моего, Который на небесах* (Мф. 18, 10). И псалмопевец говорит: *Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их* (Пс. 33, 8, ср. Пс. 90, И). И: *Ангел, избавляющий меня от всякого зла* (Быт. 48, 16), и тому подобное. А что также некоторые Ангелы начальники целых народов, этому учит нас Моисей в песне, говоря: *Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов челове-*

ческих, тогда поставил пределы народов по числу Ангелов Своих (Втор. 32, 8).¹ И премудрый Даниил в видении слышал Ангела, который говорил: князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день; но вот, Михаил, один из первых князей, пришел помочь мне, и я остался там при царях Персидских (Дан. 10, 13); и немного после он же говорит: придет князь Греции (Дан. 10, 20). Но говорится и о каком-то Архистратиге воинства Господня, явившемся Иисусу Навину при Иордане (Нав. 5, 14). И еще упоминаются какие-то легионы Ангелов, когда Господь говорит ученикам: или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов (Мф. 26, 53). Поэтому Архистратиг Ангелов, поставленных легионами, конечно, есть князь (4).

* * *

У Ангелов нет ни ссоры, ни любопрения², ни недоразумения; каждый пользуется собственностью всех, и все вмещают в себе всецелые совершенства, потому что ангельское богатство есть не какое-нибудь ограниченное вещество, которое нужно рассекать, когда требуется разделить его многим, но невещественное стяжание и богатство разумения. И поэтому-то совершенства их, во всяком пребывая всецелыми, всех делают равно богатыми, производя то, что собственное обладание у них несомненно и бесспорно. Ибо созерцание высочайшего совершенства и самое ясное постижение добродетелей есть ангельское сокровище, на которое позволительно взирать всем, так как каждый приобретает всецелое ведение этого и всецелое этим обладание (5).

¹ В русском переводе: по числу сынов Израилевых.

² Любопрение – споры, прения.

Б

Бедность

Ты человек низкого рода, не славный, ты бедняк из бедняков, нет у тебя ни дома, ни отечества, ты немощен, не имеешь насущного пропитания, трепещешь людей сильных, всех боишься по причине низкого своего состояния, ибо сказано: *бедный и угрозы не слышит* (Притч. 13,8)? Не отчаивайся в себе и не теряй вовсе доброй надежды от того, что в настоящем нет для тебя ничего завидного, но возводи душу свою к благам, какие даны уже тебе от Бога и какие по обетованию уготованы впоследствии. Итак, во-первых, ты человек, единственное из живых существ (земных) богосозданное. Ужели рассуждающему здравомысленно для высшей степени благодущия недостаточно и этого – быть созданным собственными руками все устроившего Бога? Недостаточно и того, что, сотворенный по образу Создавшего тебя, доброй жизнью можешь достигнуть равночестия с Ангелами? Ты получил разумную душу, которой уразумеваешь Бога, проникаешь рассудком в природу сущего, пожинаешь сладчайший плод мудрости. Все животные, как водящиеся на суше, и кроткие и свирепые, так живущие в водах и летающие в воздухе, тебе порабощены и подчинены. Не ты ли изобрел искусства, построил города, придумал все: и необходимое, и служащее к роскоши? Не твой ли разум сделал для тебя моря проходимыми? Земля и море не служат ли твоей жизни? Воздух, небо и сонмы звезд не показывают ли тебе своего стройного чина? Почему же малодушествуешь от того, что у тебя нет среброузкого коня? Но есть у тебя солнце, которое в самом быстром своем течении в продолжение всего дня носит перед тобой светильник. У тебя нет блестящего золота и серебра, но есть луна, которая озаряет тебя своим в тысячу раз большим светом. Неходишь ты на златокованные колесницы, но есть у тебя ноги – эта собственная и природная твоя колесница. Для чего же ублажаешь людей, которые накопили полный карман и, чтобы перейти с места на место, имеют нужду в чужих ногах? Не спишь ты на ложе из слоновой кости, но имеешь у себя землю, которая дороже множества слоновой кости, имеешь сладкое на ней упокоение, скорый и беззаботный сон. Не лежишь ты под золотой кровлей, но имеешь над собою небо, сияющее неизреченными красотами звезд. Но это еще человеческое, а есть и другое – более важное. Для тебя Бог между людьми, для тебя раздаяние даров Святого Духа, разрушение смерти, надежда воскресения, Божии повеления, усовершенствующие жизнь твою, восхождение к Богу с помощью заповедей, уготованное Царство Небесное, венцы правды, готовые для не уклоняющегося от подвигов добродетели! (1)

* * *

Ты называешь себя бедным, и я соглашаюсь. Точно тот беден, кто нуждается во многом. А нуждающимися во многом делает нас ненасытность пожеланий (1).

Беден ты; но, без сомнения, есть другой беднее тебя. У тебя хлеба на десять дней, а у него на один. Как человек добрый и благомыслящий, уступи свой излишек неимущему. Не медли дать из малого, своей пользы не предпочитай общему бедствию³. Если даже у тебя в пищу остается один хлеб, но стоит у дверей просящий, то принеси из кладовой и этот один хлеб и, положив на руки, воздешь к небу, скажи такое жалобное и вместе благопризательное слово: «Один у меня хлеб, который видишь Ты, Господи, и опасность очевидна; но заповедь Твою предпочитаю себе и из малого даю алчущему брату. Подай и ты бедствующему рабу. Знаю Твою благость, возлагаю упование на Твое могущество, Ты не отлагаешь до времени Своих милостей, но расточаешь дары, когда Тебе угодно». Если так скажешь и сделаешь, – хлеб, поданный тобой в крайности, будет семенем для земледелия, принесет сторичный⁴ плод, сделается залогом пропитания, исходатайствует помилование. Скажи и ты словами сидонской вдовицы, в подобных обстоятельствах благовременно припомнив ее историю: *жив Господь!* (3 Цар. 17, 12). Если и ты дашь из остатка, то и у тебя будет *масло в кувшине*, источающий благодать, и не оскудевающая *мука в кадке* (3 Цар. 17, 14); потому что милость Божия к верным, уподобляясь кладезям, из которых всегда черпают и которых никогда не исчерпают, превосходит их в этом, воздавая вдвойне. Скудный, дай в заем богатому Богу. Поверь Тому, Кто вместо утесненного Сам всегда берет на собственное Свое лицо и из Своего воздает благодарность. Поручитель достоверен: у Него везде рассыпаны сокровища, и на земле, и в море. И если во время плаванья потребуешь свой долг, то среди моря получишь все сполна и с ростом, потому что Он щедр на прибавки (1).

* * *

Почему возмущает тебя название «нищий»? Вспомни о своей природе: наг вошел ты в мир, наг и выйдешь (см.: Иов 1, 21). А что беднее нагого? Ничего не услышишь обидного, если сам себе усвояешь то, что о тебе говорят. Кого за бедность отводили когда-нибудь в темницу? Укоризненно – не нищим быть, а не иметь мужества в перенесении нищеты. Вспомни Владыку: Он, *будучи богат, обнищал ради нас* (2 Кор. 8, 9) (1).

³ Беседа произнесена во время засухи и голода.

⁴ Сторичный – во сто раз больший.

Бедствие

За тебя осудил Бог и на это бедствие⁵: потому что ты, имея, не подавал, потому что ты проходил мимо алчущих, потому что ты не обращал внимания на плачущих, потому что ты не оказывал милости кланявшимся тебе. И за немногих приходят бедствия на целый народ, и за злодеяние одного вкушают плоды его многие. Ахар учинил святотатство, и побит был весь ПОЛК (см.: Нав. 7,1-26). Еще Замврий блудодействовал с мадианитянкой, и Израиль понес наказание (см.: Чис. 25, 6-15). Поэтому и наедине, и всенародно все мы наследуем жизнь свою; будем внимательны к засухе, как к детоводителю, который каждому из нас напоминает его грехи. И мы благосознательно скажем словами мужественного Иова: *рука Божия коснулась меня* (Иов 19, 21); а наипаче несчастье свое припишем главным образом грехам (1).

⁵ На засуху и голод.

Бездействие

Блажен муж, который на собрание нечестивых не ходил... (Пс. 1, 1).

Премудро и благоискусно, приводя нас к добродетели, псалмопевец удаление от греха положил началом добрых дел. А если бы он вдруг потребовал от тебя совершенства, то, может быть, ты и замедлил бы приступить к делу. Теперь же приучает тебя к более удобоприступному, чтобы ты смелее взялся и за прочее. И я сказал бы, что упражнение в добродетели уподобляется лестнице, той именно лестнице, которую видел некогда блаженный Иаков, одна часть которой была близка к земле и касалась ее, а другая простиралась даже выше самого неба. Поэтому вступающие в добродетельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первых ступенях и с них непрестанно восходить выше и выше, пока наконец через постепенное преспеяние не взойдут на возможную для человеческого естества высоту. Поэтому как первоначальное восхождение по лестнице есть удаление от земли, так и в жизни по Богу удаление от зла есть начало преуспеяния.

Вообще же, всякое бездействие гораздо легче какого бы то ни было дела. Например, *не убивай, не прелюбодействуй, не кради* (Исх. 20,13–15); каждая из этих заповедей требует только бездействия и неподвижности. *Люби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 19, 19), и: *продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19, 21), и: *кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5, 41) – вот уже действия, приличные подвижникам, и к совершеннию их потребна уже душа мужественная. Поэтому подивись мудрости того, кто через более легкое и удобоприступное ведет нас к совершенству (2).

Безмолвие

Надо стараться иметь ум в безмолвии. Как глаз, который в непрестанном движении то вертится в стороны, то обращается часто вверх и вниз, не может ясно видеть того, что перед ним, а напротив, если хочет сделать, чтобы зрение его было ясно, надо устремить взор на один видимый предмет, так и ум человеческий, если развлечен тысячами мирских забот, не может ясно усматривать истину. Как не связанного еще узами брака приводят в смятение неистовые пожелания, неудержимые влечения и какие-то мучения любви, так вступившего уже в супружество встречает новое волнение забот: когда нет детей, желание иметь их, а когда есть дети, попечение об их воспитании, охранение супруги, рачение о доме, надзор за служителями, утраты по договорам, споры с соседями, тяжбы в судах, опасности в торговле, труды в земледелии. Каждый день приносит с собой свое омрачение душе, и ночи, получая в наследство дневные работы, обольщают теми же представлениями. Один только способ избежать этого – это удаление от сего мира. А удаление от мира состоит не в том, чтоб телом быть вне мира, но чтобы душой оторваться от пристрастия к телу, не иметь у себя ни города, ни дома, ни собственности, ни товарищества, быть нестяжательным, не беспокоящимся о средствах жизни, беззаботным, избегающим всякого сношения с людьми, не знающим человеческих правил, готовым принимать напечатлеваемое в сердце божественным учением. Приуготовление же сердца состоит в отлучении его от тех правил, какие заняты им из лукавого обычая, потому что и на воске нельзя писать, не изгладив положенных на нем начертаний; и душе невозможно ввести божественных догматов, не истребив в ней укорененных навывком мнений. Для этого, конечно, весьма великую пользу доставляет нам уединение, которое усыпляет в нас страсти и дает разуму досуг совершенно отсечь их от души. Как нетрудно одолеваять укрошенных зверей; так пожелания, гнев, страх, скорби, – эти злые ядовитые звери в душе, если усыплены они безмолвием, а не приводим их в расвирепление постоянным раздражением, удобнее преодолеваются силой разума (б).

Поэтому пусть будет избрано такое место, каково, например, наше, свободное от общения с людьми, чтобы ничто постороннее не прерывало непрестанного упражнения. Упражнение же в благочестии питает душу божественными размышлениями. Поэтому что блаженнее сего – на земле подражать лику Ангелов: при самом начале дня поспешать на молитву, чувствовать Создателя песнями и пениями; потом, когда воссияет совершенно солнце, принявшись за дела и везде имея при себе молитву, приправлять свои работы песнопениями, как солью; потому что песенные утешения приносят душе беспечальное и радостное успокоение.

Итак, безмолвие служит для души началом очищения, когда ни язык не произносит чего-либо человеческого, ни глаза не заняты рассматриванием доброцветности и соразмерности в телах, ни слух не расслабляет душевного напряжения слушанием песней, сложенных для удовольствия, или разговорами людей шуточных и смехотворных, что, обыкновенно, всего более ослабляет душевные силы. Ум, не рассеиваясь по внешним предметам, и не развлекаясь миром под влиянием чувств, входит в самого себя, а от себя восходит к мысли о Боге; озаряемый же этой Добротой приходит в забвение о самой природе; душа не увлекается ни попечением о пропитании, ни беспокойством об одеждах, но, на свободе от земных забот, всю свою ревность обращает на приобретение вечных благ, на то, чтобы возрастали в ней целомудрие и мужество, справедливость и благоразумие, а равно и прочие добродетели, которые, состоя под этими родовыми добродетелями, обязывают ревнителя всякое дело в жизни исполнять должным образом (б).

Безначальность

Человек, не представляй себе видимого безначальным, и из того, что движущиеся на небе тела описывают круги, а в круге чувство наше с первого взгляда не может приметить начала, не заключай, что природа круговращаемых тел безначальна. Да и этого круга, то есть начертания, на плоскости описанного одной чертой, не должны мы предполагать уже безначальным потому, что убегает от нашего чувства, и не можем мы найти, где он начался и где окончился. Напротив, хотя это и убегает от нашего чувства, однако же в действительности кто описывал круг из средоточия и известным расстоянием, тот, без сомнения, начал его откуда-нибудь. Так и ты, видя, что тела, описывающие круги, возвращаются в прежнее свое положение, равномерностью и непрерывностью их движения не удерживай себя в той ложной мысли, будто бы мир безначален и нескончаем. *Ибо проходит образ мира сего* (1 Кор. 7, 31), и: *небо и земля прейдут* (Мф. 24,35) (2).

Бесполезное

Поскольку писавшие о мире много рассуждали о фигуре земли, что она такое: шар ли, или цилиндр, или походит на кружок, со всех сторон одинаково обточенный, или на лоток, имеющий в середине впадину (ибо ко всем этим предположениям прибегали писавшие о мире, и каждый из них опровергал предположение другого), то не соглашусь еще признать наше повествование о миротворении стоящим меньшего уважения единственно потому, что раб Божий Моисей не рассуждал о фигурах, не сказал, что окружность земли имеет сто восемьдесят тысяч стадий, не вымерил, на сколько простирается в воздухе земная тень, когда солнце идет под землей, и как тень эта, падая на луну, производит затмения. Если умолчал он о не касающемся до нас, как о бесполезном, то неужели словеса Духа почту за это маловажнее обюроевшей мудрости? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднил ума нашего предметами пустыми, но устроил так, чтобы все было написано в назидание и усовершенние душ наших? (2)

Бесчувствие

– Отчего бывает, что в уме как бы оскудевают благие мысли и попечения, угодные Богу? И как предохранить себя от этого?

– Поскольку Давид говорит: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28)⁶; то видно из этого, что бывает это от душевного усыпления и бесчувствия. Ибо в душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение, угодное Богу, и благой помысел, а напротив, видит она, что сама для них недостаточна, потому что если телесное око недостаточно к рассмотрению даже немногих Божиих созданий, и не насыщается, посмотрев на что-либо однажды, но и непрестанно рассматривая одно и то же, не перестает, однако же, смотреть, то тем паче душевное око, если оно бодрственно и трезвенно, недостаточно к созерцанию Божиих чудес и судеб. Ибо сказано: *судьбы Твои – бездна великая* (Пс. 35, 7), – и в другом месте: *дивно ведение Твое для меня: мощно! не могу постигнуть его* (Пс. 138, 6); и многое подобное этому. Если же оскудевает в душе благой помысел, то явно, что оскудевает также в ней просвещение, не по оскудению просвещающего, но от усыпления того, что должно быть просвещено (5).

* * *

– Отчего душа иногда сокрушается, и не употребляя об этом старания, и скорбь приходит на нее почти как бы сама собой, а иногда до того бесчувственна, что и принуждаемая не может прийти в сокрушение?

– Таковое сокрушение есть дар Божий, подаваемый или для возбуждения вожделения, чтобы душа, вкусив сладость подобной скорби, старалась полюбить эту скорбь, или в доказательство того, что душа, при тщательнейшем попечении, может быть во всегдашнем сокрушении, и что нимало не извинительны отвергшие его по нерадению. А если кто и принуждаемый не может прийти в сокрушение, это служит обличением его небрежения в другое какое-нибудь время (потому что без размышления, без многого и непрерывного упражнения невозможно приступить к чему-нибудь вдруг и превозмочь это), а вместе показывает, что душа обладает другими страстями, которые не позволяют ей свободно действовать в том, чего она хочет, по началу, изложенному апостолом, сказавшим: *а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю, и еще: потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех* (Рим. 7, 14–15, 17); причем Бог, нам же во благо, попускает и этому быть, чтобы душа тем, что терпит невольно, доводима была до сознания, кто ею обладает, и познав о самой себе, в чем она невольно служит греху, освободилась из дьявольских сетей, обретая Божие милосердие готовым к принятию истинно кающихся (5).

⁶ В переводе П. Юнгера: *ослабела душа моя от нерадения.*

Благо

Мы полагаем, дети, что настоящая жизнь человеческая вовсе ничего не значит; совершенно не почитаем и не называем благом того, что доставляет нам совершенство в этой только жизни. Ни знаменитости предков, ни крепости, красоты и величия тела, ни почестей от всех людей, ни самого царства, ни всего прочего, что ни наименуют из человеческого, не признаем великим, даже достойным желания, и не обращаем взора на тех, кто имеет это, но простираем надежды далее и все делаем для приуготовления себе другой жизни. Поэтому что к ней спешествует нам, о том говорим, что должно любить это и домогаться его всеми силами, а что не переходит в нее, то – презирать как ничего не стоящее (1).

* * *

Если кто-либо обымет словом и совокупит воедино все счастье людей со времени их существования, тот найдет, что это не равняется и малейшей части благ той [будущей] жизни, а напротив, все здешние блага гораздо больше отстоят достоинством от малейшего из тех благ, чем тень и сновидение скуднее действительности. Лучше же сказать (употреблю пример более близкий), сколько душа во всем досточестнее тела, столько же и разности между той и другой жизнью (1).

* * *

– Что значит сказанное апостолом: *чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12,2)?

– Того, что хочет Бог, много. Иного хочет по долготерпению и благодати, и это есть благо и называется благим; иного же по гневу за грехи наши, и это называется злом. Ибо говорит: *Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия* (Ис. 45, 7), – не то злое, за что бываем наказаны, но то, чем бываем вразумляемы. А вразумляющее и чувством скорби приводящее к обращению служит во благо. Поэтому чего хочет Бог по долготерпению и благодати, того и нам необходимо должно хотеть и тому подражать. Ибо говорит: *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). И апостол говорит: *итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас* (Еф. 5,1–2). Но что насыляет по гневу за грехи наши и что, как сказал я, на том основании, что возбуждает чувство скорби, называется злом, того, без сомнения, не должно нам делать. И когда есть воля Божия, чтобы люди нередко гибли от голода, от язвы, от войны или от чего-либо иного подобного, нам нет надобности служить этой воле. Ибо в подобных случаях Бог употребляет и служителей злых по сказанному: *послал на них яростный гнев Свой: ярость и гнев и скорбь, низведенные чрез ангелов (посылающих) бедствия* (Пс. 77, 49). Поэтому сперва должно искать, что есть благая воля Божия, потом, когда узнаем благую волю, должно исследовать, угодна ли Богу эта благая воля. Ибо на иное, само по себе взятое, есть воля Божия и воля благая, но когда это делается или не тем лицом, или не вовремя, то не бывает уже благоугодным Богу. Например, была воля Божия и воля благая, чтобы кадили Богу, но не благоугодно было Богу, чтобы делали это Дафан и Авирон. И еще: есть воля Божия и воля благая, чтобы творили милостыню, но если делают это ради прославления от людей, то это уже не благоугодно Богу. И еще: была воля Божия и воля благая, чтобы ученики *что на ухо слышали, проповедали на кровлях* (Мф. 10, 27), но чтобы говорили о чем-нибудь прежде времени, это не благоугодно было Богу. Ибо говорит: *никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых* (Мф. 17,9).

И вообще всякая воля Божия благая и тогда благоугодна, когда исполняется в ней сказанное апостолом: *все делайте в славу Божию* (1 Кор. 10, 31), и: *только все должно быть благопристойно и чинно* (1 Кор. 14, 40). Но опять, если на что есть воля Божия, и воля благая, и воля угодная, то и в этом случае должно не беспечно предаваться, но подвизаться и заботиться, чтобы это было совершенно и без недостатков, в мере как самого дела, точно ли согласно оно с заповеданным, так и силы совершающего дело. Ибо сказано: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10, 27), как и Господь научил в Евангелии от Иоанна (Ин. 23, 34). Да и всякую заповедь любви, как написано (Втор. 6, 6). Ибо сказано: *блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так* (Мф. 24,46) (5).

* * *

Одно постоянное благо вожденно и похвально. А это – честь у Бога. Человеческое же – неосязаемое тени, обманчивое сонных грез. Ибо юность проходит скорее весенних цветов, и красота телесная увядает или от болезни, или от времени; богатство неверно, слава непостоянна; самые занятия искусствами имеют успех только на время настоящей жизни. И что для всех наиболее вожденно, искусство в слове, имеет приятность только для слуха.

Упражнение же в добродетели – драгоценное достояние для того, кто имеет, и самое приятное зрелище для того, кто видит. Позабывшись об этом, сделаешь себя достойным благ, по обетованиям, уготованным Господом (6).

* * *

Здоровье и болезнь, богатство и бедность, слава и бесчестие, поскольку обладающих ими не делают добрыми, по природе своей не суть блага; поскольку же доставляют жизни нашей некоторое удобство, то прежде поименованные из них предпочтительнее противоположных им, и им приписывается некоторое достоинство. И они даются иным от Бога в распоряжение, как Аврааму, Иову и другим подобным. А для худых служит это побуждением исправиться в нравах, чтобы тот, кто и при таком благоволителем Божиим внимании пребывает в неправде, беспрекословно признал себя повинным осуждению. Впрочем, праведник не прилепляется к богатству, когда оно есть, и не ищет его, когда нет, потому что он не потребитель, а распорядитель данного. Никто же из умных людей не берет на себя труда делить чужое, разве будет иметь в виду людскую славу, потому что дивятся и соревнуют имеющим какую-либо власть. Болезнь же праведники принимают за подвиг, ожидая великих венцов за терпение. Но приписывать управление этим кому-то другому, кроме Бога, не только ни с чем не сообразно, но и нечестиво(6).

Благодарение

Сказано также: *за все благодарите* (1 Фес. 5, 18). Говорят: «Как можно быть тому, чтобы душа, мучимая бедствиями и как бы уязвляемая чувством скорбей, не плачу и слезам предавалась, но что в действительности ненавистно, за то благодарила, как за благо? Ибо как мне благодарить, претерпевая то, чего мог бы пожелать мне враг? Безвременно похищено детище, и болезнующую о возлюбленном мать мучат болезни, тягчайшие прежних мук рождения; как же ей, оставив плач, обратиться к словам благодарения?»

Возможно ли это? Возможно, если рассудишь, что рожденному ею детищу ближайший Отец, разумнейший Попечитель и Домостроитель жизни – Бог. Почему же разумному Владыке не дозволяем распоряжаться Своим достоянием, как Ему угодно, но досадуем, как лишаемые собственности, и сожалеем об умирающих, как будто им наносится обида? А ты рассуждай, что детище не умерло, но отдано назад, что друг не скончался, но отправился в путь и ушел от тебя несколько вперед по той же дороге, по которой и нам необходимо будет идти.

Пусть заповедь Божия живет с тобой неразлучно, непрестанно сообщая тебе как бы некоторый свет и озарение для суждения о делах. Она, заранее приняв на себя надзор над твоей душой и предуготовив в ней верные мнения о каждой вещи, не попустит, чтобы ты изменялся от чего-либо, с тобой случающегося, но сделает, что с предуготовленной мыслью, подобно утесу, находящемуся близ моря, безопасно и непоколебимо выдержишь удары сильных ветров и волн. Почему не привык ты о смертном думать смертно, но принял смерть детища как нечто неожиданное? Когда в первый раз известили тебя о рождении сына, тогда, если бы кто спросил у тебя: что такое родилось? – что отвечал бы ты? Сказал ли бы что иное или что родился человек? А если человек, то, конечно, и смертный? Что же тут необыкновенного, если смертный умер? Не видишь ли, что солнце восходит и заходит? Не видишь ли, что луна растет, потом убывает, что земля покрывается зеленью, потом увядает? Что из окружающего нас постоянно? Что по природе своей неподвижно и неизменно? Возведи взор на небо, посмотри на землю: и они не вечны. Ибо сказано: *небо и земля прейдут: звезды спадут с небес, солнце померкнет, и луна не даст света своего* (Мф. 24, 35,29). Что ж удивительного, если и мы, составляя часть мира, испытываем свойственное миру?

Смотря на это, когда и на тебя придет общая участь, переноси это, смежив очи, не бесстрастно и не бесчувственно (ибо какая награда за нечувствительность?), но с великим трудом и с тысячами болезней. По крайней мере переноси как подвижник храбрый, показывающий крепость и мужество не только в том, что поражает противников, но и в том, что с твердостью терпит их удары; и как кормчий мудрый, по великой опытности в мореплавании ничем не смущаемый, сохраняющий душу свою в положении прямом, непогружаемый и преодолевающий всякую непогоду...

«Как же, – скажут, – окажем свою общительность и любовь к ближним, это первое и совершеннейшее из благ, потому что *любовь есть исполнение закона*

(Рим. 13,10), когда, приходя к кому-нибудь, застигнутому великими бедствиями, станем не плакать с ним, не слезы проливать, но благодарить за случившееся? Собственное страдание переносить с благодарностью служит доказательством терпения и твердости; но за чужие бедствия благодарить Бога – значит радоваться о зле и огорчать скорбящих; между тем как и апостол повелевает нам *плакать с плачущими* (Рим. 12,15)».

Что же скажем на это? Не следует ли нам напомнить себе слова Господни, о чем заповедано нам радоваться и о чем плакать? Сказано: *радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5,12). И еще: *дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте... о детях ваших* (Лк. 23, 28). Следовательно, Божие слово повелевает нам скакать и веселиться с

праведными, а плакать и сетовать с теми, которые проливают слезы покаяния или оплакивают тех, которые живут беспечально, потому что не знают и о своей гибели (1).

* * *

Смотри же, чтобы самим нам не сделать для себя необходимой утрату того, что наиболее нам любезно, оставаясь нечувствительными, когда оно при нас, и чрезмерно сокрушаясь по нем, когда оно от нас уйдет. Поскольку если не благодарим за блага, подаваемые Богом, то необходимым делается отъятие их для приведения нас в чувство. Как глаза не видят слишком близкого яркого цвета, но требуют соразмерного некоторого расстояния, так и неблагодарные души обыкновенно по удалении благ начинают чувствовать минувшее счастье. Ибо, не зная никакой благодарности к Давшему, пока пользовались дарами, по утрате ублажают прошедшее.

Напротив, никто из нас никаким обстоятельством жизни не освобождается от обязанности благодарить, если захочет добросовестно рассмотреть каждое из этих обстоятельств. Ибо жизнь каждого из нас заключает в себе много и не совсем неприятных предметов для размышления, если только примем на себя труд посмотреть на состояния низшие и таким образом, через сличение с худшим, измерить, чего стоит благо, находящееся у нас в руках. Ты раб? Есть и ниже тебя. Благодарю, что имеешь преимущество хотя перед одним, что не осужден вертеть жернова, что не принимаешь побоев. Но и у такого нет недостатка в побуждениях к благодарности, потому что на нем нет еще оков, он не носит на себе колодки. Узнику сама жизнь – достаточное побуждение к благодарению; он видит солнце, дышит воздухом, благодарит и за то. Наказывают тебя несправедливо? Увеселяйся надеждой будущего. Осужден ты справедливо? И в этом случае благодарю за то, что здесь несешь казнь за преступления, а не блюдешься для вечных мук за грехи, не наказанные в жизни. Таким же точно образом благодарный, во всяком роде жизни и при всяком занятии, может воздавать Благодетелю великие благодарения за настоящее (1).

* * *

Покажи несколько терпения в несчастий, как мужественный Иов, не поддавайся волнению и не бросай в море, если везешь с собой какой-либо груз добродетели. Соблуди в душе благодарность, как драгоценную поклажу, и за благодарность получишь сугубое наслаждение. Помни апостольское изречение: *за все благодарите* (1 Фес. 5, 18) (1).

* * *

Стыдно для нас – в счастье благословлять, а в печальных и трудных обстоятельствах хранить молчание. Напротив, тогда-то и должно более благодарить нам, знающим, что *Господь, кого любит, того наказывает: бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6) (2).

* * *

Не молчать о благодеяниях Божиих, но благодарить за них должно (4).

* * *

Сперва должно благодарить Бога за самое необходимое для ежедневной телесной потребности, а потом употреблять это (4).

* * *

Не то бывает, чего хотим; а что Господь дает, то и должны принимать с благодарением (б).

Благодать

Мы знаем, что в учении о Христе излилось на нас от Бога богатство благодати. Потому-то в короткое время проповедь обтекла почти целую вселенную; ибо обильная и щедрая благодать излита на проповедников Евангелия, которых Писание наименовало и устами Христо-выми. Потому-то проповедь евангельская в своих, презираемых иными речениях заключает много убедительного и влекущего ко спасению. И всякая душа препобеждается непреложными догматами, будучи утверждаема благодатью в непоколебимой вере во Христа, *через Которого*, говорит апостол, *мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы* (Рим. 1,5). И еще: *я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10) (2).

* * *

Приемлющий благодать Божию даром должен даром давать ее, а не торговать ею по собственным своим прихотям (4).

* * *

– Как может кто-нибудь без любви приобрести такую веру, чтобы *горы переставлять*, или *все имение свое раздать нищим*, или *предать тело свое на сожжение* (1 Кор. 13, 2–3)?

– Если помним Господа, сказавшего: они делают, чтобы люди их видели (см. Мф. 6,1), – и ответ Господень говорившим: *Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?* (Мф. 7, 22), которым Он говорит: *не знаю вас, откуда вы* (Лк. 13, 27), – не потому, что они лгали, но потому, что злоупотребляли благодатью Божией по собственным пожеланиям (что чуждо любви к Богу), то без труда можем уразуметь сказанное. А дарование Божие, или дар, получить и недостойному нимало не странно, потому что Бог, во время благодати и долготерпения, *Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5,45). Нередко же это бывает к пользе или самого приемлющего дарование, – не обратится ли, устыдившись благодатью Бога, к попечению о благоугождении Ему, – или других, по сказанному апостолом: *некоторые, правда, по зависти и лобопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа* (Флп. 1,15), – к чему он спустя немного присовокупляет: *как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться* (Флп. 1,18) (5).

* * *

– Что такое талант и как нам преумно жать его (Мф. 25)?

– Думаю, что притча сказана о всяком даре Божиим, чтобы всякий, какую бы благодать от Бога получить ни удостоился, приумножал ее, обращая в благодеяние и в пользу многих, потому что никто не лишен части в Божией благодати (5).

* * *

Всякое благо, нисходящее к нам от Божией силы, называем действием все во всех производящей благодати, как говорит апостол: *все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно* (1 Кор. 12, И). Но вникая, от одного ли Святого Духа

восприяв начало, подаяние благ таким образом нисходит к достойным, опять по указанию Писаний веруем, что Единородный Бог есть начальник и виновник подаяния благ, открывающихся в нас по действию Духа (6).

Благодаяние

– Ежели оказано нам кем либо благодаяние, то как можем и Господу воздавать должное благодарение, чистое и всецелое, и перед благодетелем свидетельствовать его разумно, не убавляя и не превышая меры?

– Если будем твердо верить, что Бог начальник и совершитель всякого блага, а услужившего нам будем считать служителем Божия благодаяния (5).

Благоразумие

Всеми поступками должно руководить благоразумие. Ибо без благоразумия и все то, что по виду прекрасно, от неблаговременности и несоблюдения меры обращается в порок. А когда разум и благоразумие определяют время и меру благ, тогда от употребления их получают удивительную выгоду и дающие, и приемлющие эти блага (5).

Благотворительность

Сами берем, а других не снабжаем; хвалим благотворительность и отказываем в ней нуждающимся; из рабов делаемся свободными и не имеем жалости к подобным нам рабам; будучи голодны, насыщаемся и проходим мимо того, кто скуден; имея у себя нескудного подателя и сокровищехранителя Бога, стали мы скупы и необщительны с бедными. Овцы у нас многоплодны, но нагих больше, чем овец; кладовые тесны от множества хранимого в них, а утесненного не милуем. За это-то и Бог не отверзает руки Своей, потому что мы заградили братолюбие. За это-то и нивы сухи⁷, потому что охладела любовь. Голос молящихся раздается напрасно и рассеивается в воздухе, потому что и мы не слушали умоляющих (1).

* * *

Кто имеет у себя больше, нежели сколько потребно на нужды житейские, тот обязан все это употреблять на благотворения по заповеди Господа, который и даровал нам все, что имеем (4).

⁷ Беседа говорила во время голода и засухи.

Благочестие

Когда любовь к благочестию поселится в душе, тогда все виды браней для нее смешны, и все терзающие ее за любимый предмет более услаждают, нежели поражают. Свидетелем мне в этом любовь апостолов, которая некогда делала для них приятными бичи иудеев. Ибо сказано: *они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Его удостоились принять бесчестие* (Деян. 5,41) (1).

Блаженство

Блажен муж, который на собрание нечестивых не ходил (Пс. 1, 1). Строители домов, возводя в высоту огромные здания, и основания полагают соразмерно высоте. И кораблестроители, приготовляя корабль к поднятию больших грузов, укрепляют подводную часть, соображаясь с тяжестью нагружаемых товаров. И при рождении животных сердце, которое естественно образуется прежде всего, получает от природы устройство, приличное будущему животному, почему телесная ткань образуется вокруг сердца соразмерно собственным началам; и отсюда происходят различия в величине животных. Но что значат основание в доме, подводная часть в корабле и сердце в теле животного, такую же силу, кажется мне, имеет и это краткое предисловие в отношении к целому составу псалмов. Поскольку псалмопевец с продолжением слова намерен увещавать ко многому такому, что трудно и исполнено бесчисленных подвигов и усилий, то он подвижникам благочестия предварительно указывает на блаженный конец, чтобы мы, в чаянии уготованных нам благ, беспечально переносили скорби настоящей жизни. Так и для путешественников, идущих по негладкому и неудобопроходимому пути, облегчается труд ожидаемым ими удобным пристанищем; и купцов отважно пускаться в море заставляет желание приобрести товары; и для земледельцев делает неприметными труды надежда плодородия. Потому и общий Наставник в жизни, великий Учитель, Дух истины, премудро и благоискусно предложил наперед награды, чтобы мы, простирая взор далее тех трудов, которые под руками, поспешали мыслью насладиться вечными благами.

Блажен муж, который на собрание нечестивых не ходил. – Итак, есть истинное благо, которое в собственном и первоначальном смысле должно назвать блаженным; и это есть Бог.

Почему и Павел, намереваясь упомянуть о Христе, говорит; по *славному благовестию блаженного Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (1 Тим. 1, И; Тит. 2, 13). Ибо подлинно блаженно это неточное добро, к Которому все обращено, Которого все желает, это неизменяемое Естество, это владычественное Достоинство, эта безмятежная Жизнь, это беспечальное Состояние, в Котором нет перемен, Которого не касаются превратности, этот приснотекущий Источник, эта неоскудевающая Благодать, это неистощимое Сокровище. Но невежественные люди и миролюбцы, не зная природы самого добра, часто называют блаженным то, что не имеет никакой цены: богатство, здоровье, блистательную жизнь, – что все по природе своей не есть добро, потому что не только удобно изменяется в противоположное, но и обладателей своих не может сделать добрыми. Ибо кого сделало справедливым богатство, или целомудренным здоровье! Напротив, каждый из этих даров злоупотребляющему им часто способствует ко греху. Потому блажен, кто приобрел достойное большей цены, кто стал причастником благ неотъемлемых. Но почему узнаем его? Это тот, *который на собрание нечестивых не ходил* (2).

* * *

Всякое почти дело, ведущее к блаженству, предначал Сам Господь, Себя предложив в пример ученикам. Возвратись к блаженствам и, рассмотрев каждое, найдешь, что учение словом предварил Он делами. *Блаженны кроткие* (Мф. 5,5). Где же нам научиться кротости? *Научитесь от Меня*, говорит Господь, *ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. И, 29). *Блаженны миротворцы* (Мф. 5,9). Кто же научит нас благам мира? Сам Миротворец, творящий мир и примиряющий *двух*, чтобы *создать в Себе Самом одного нового человека* (Еф. 2,15), *умиротворив... Кровию креста Его, и земное и небесное* (Кол. 1, 20). *Блаженны нищие* (Мф. 5,3). Сам Он обнищал и *уничтожил Себя Самого, приняв образ раба*, чтобы *от полноты Его все мы приняли благодать на благодать* (Фил. 2,7, Ин. 1,16). Итак, если кто, водимый Святым и человеколюбивым Духом, не мечтая о самом себе, но уничтожая себя, чтоб возвысить других,

возопиет духом, испрашивая чего-либо великого, и не произнесет ничего недостойного и низкого, выражающего искание земного и мирского, то вопль такого просящего услышан будет Господом. А какой же конец услышания? Тот, что избавится от всех скорбей не уязвленным, не изнемогшим, не поработившимся мудрованию плоти (2).

Ближний

Не довольно к нашему извинению того, что не научены мы полезному по книгам, когда и не по незаученному закону природы можем избирать, что служит к нашей пользе. Знаешь, какое добро должен ты сделать ближнему? То же, какого сам себе желаешь от другого. Знаешь, что такое зло? То, чего бы сам ты не согласился потерпеть от другого (2).

Близость Божия

Близок Господь к сокрушенным сердцем, и смиренных духом спасет (Пс33, 19). Господь ко всем приближается Своей благостью, но мы сами себя удаляем грехами. Ибо сказано: *удаляющие себя от Тебя погибнут* (Пс. 72, 27). Почему о Моисее говорится, что он приступал к Богу (Исх. 24,2); и если кто другой подобен Моисею, то своими доблестями и добрыми делами делается он близок к Богу (2).

* * *

Близость с Господом познается не по плотскому сродству, а по тщательности в исполнении воли Божией (4).

Блуд

Диакон, который по принятии диаконского сана впал в блуд, должен быть извержен из этого сана. Но ему, низведенному в состояние мирянина, да не воспрещается приобщение, потому что древнее есть правило – ниспадающих со своей степени подвергать этому одному роду наказания, в чем древние, как думаю, последовали такому закону: не «отметший дважды купно» (ср.: Наум. 1,9)⁸. Но правило имеет и другую причину, а именно ту, что состоящие в сословии мирян, будучи изринуты из места верных, снова приемлются в то место, с которого ниспали. А диакон однажды навсегда подвергается продолжительному наказанию изложения. Почему, так как диаконство ему не возвращается, ограничились этим одним наказанием. И это по уставам. Вообще действительнейшее врачевание есть удаление от греха. Почему для плотского удовольствия отринул благодать тот, если с сердечным сокрушением и всевозможным порабощением себя воздержанию откажется от удовольствий, которыми доведен до падения, то представит нам совершенное доказательство своего уврачевания. Поэтому должно нам знать то и другое: и предписываемое правилами, и введенное обычаем; в рассуждении же тех, которые не могут достигнуть совершенства, следовать преданному уставу (б).

* * *

Блуд – не брак и даже не начало брака. Поэтому если возможно, чтобы вступившие в связь блудно разлучались, то это всего лучше, если же они всемерно желают жить вместе, то пусть понесут наказание, но и получают дозволение, чтобы не было чего худшего (б).

* * *

Девы, вышедшие замуж против воли отца, творят блуд. Примирением с родителями дело, по-видимому, поправляется. Впрочем, не вдруг допускаются они к приобщению, но да останутся под наказанием три года (б).

* * *

Блудник семь лет да не приобщается Святынь и да будет два года плачущим, два – слушающим, два – припадающим и один год – стоящим только с верными; в восьмой же год будет допущен к приобщению (б).

* * *

Кто осквернился со своею сестрой по отцу или по матери, тому да не дозволяется входить в дом молитвенный, пока не отстанет от этого противозаконного и запрещенного дела. Пришедший же в сознание этого страшного греха три года да плачет, стоя у дверей молитвенного дома и прося входящий для молитвы народ, чтобы каждый из сострадания принес о нем Богу усердное моление. После же этого в другое трехлетие пусть допускается только к слушанию Писания, по выслушивании Писаний и поучений пусть изгоняется вон и не удостоивается общения в молитве. Потом если взыщет молитвы со слезами и припадет ко Господу с сокрушением сердца и с крепким смирением, то пусть другие три года дано ему будет право быть в

⁸ В русском переводе: *бедствие уже не повторится*.

числе припадающих. И таким образом, когда покажет достойные плоды покаяния, в десятый год пусть будет допущен к молитве с верными без приношения и, два года участвуя в молитве с верными, наконец да сподобится приобщения Благаго.

То же правило и о тех, которые берут за себя снох своих (б).

* * *

Отцы умолчали о многоженстве как о чем-то скотском и совершенно чуждом человеческому роду. А мне грех этот представляется чем-то большим блуда. Поэтому справедливо будет поступать с таковыми по правилам, а именно: оставлять их один год плачущими, три года припадающими и потом уже принимать (б).

Бог

И сказал Бог: сотворим человека (Быт. 1, 26). Скажи мне: неужели и теперь одно Лице? Не написано: да будет человек, но – *сотворим человека*. Пока не являлся еще ученик, проповедь Богословия скрыта была в глубине. Но, когда уже ожидаемо стало сотворение человека, обнажается вера, и очевиднее открывается догмат истины. *Сотворим человека*. Слышишь, христородец, речь обращена к Участвующему в мироздании, к Тому, *чрез Которого и веки сотворил*, Который держит *все словом силы Своей* (Евр. 1, 2–3)! (2)

* * *

У Бога есть глаза и уши, голова, руки, седалищная часть, – ведь и говорится в Писании, что Бог восседает, – также ноги, на которых Он ходит. Разве Бог не таков? Но устрани из сердца непотребные выдумки (представления). Отбрось от себя мысли, не соответствующие величию Бога. Бог не имеет очертаний (*ασχημβτιστος*), Он прост (*απλους*). Не фантазируй насчет Его строения; не преуменьшай на иудейский манер Того, Кто велик; не замыкай Бога в свои телесные представления; не ограничивай Его мерой своего ума. Он неограничен в Своем могуществе. Подумай о чем-нибудь великом, прибавь к этому большее по сравнению с тем, о чем ты подумал, а к этому – еще более великое и убедись, что в своих рассуждениях (мудрствованиях) ты никогда не достигнешь того, что бесконечно. Не пытайся представить. Его внешние очертания (*αχημα*) – Бог познается в могуществе, природа Его проста, величие неизмеримо. Он присутствует везде и над всем избыточествует; Он неосязаем, невидим. Он – то, что ускользает от восприятия твоего разума; Он не ограничен величиной, не имеет (доел.; не охвачен) внешних очертаний, не соразмерен никакой силе, не связан временем, не заключен ни в какие границы. К Богу не приложимо то, что приложимо к нам (2).

* * *

Если Сын – Бог по естеству, но и Отец – Бог по естеству, то Сын не иначе, чем Отец, но одинаково с Отцом есть Бог. Если же Сын не по естеству Бог, то, как и ложно именуемые боги, называется Он Богом, но не Бог. Если Сын – единый Господь по естеству, то, очевидно, не по иному естеству. Поэтому если Отец именуется единым Богом, но и Сын есть Бог, то не в ином, но в едином естестве (4).

* * *

Если Бог нерожден, потому что не родился, то и нетленен также, потому что не истлевает. Поэтому как нетленность означает Его нескончаемость, так и нерожденность означает безначальность (4).

* * *

Небеса проповедуют славу Божию, и о творении рук Его возвещает твердь (Пс. 18, 1). И в другом месте: *и небеса – дела рук Твоих* (Пс. 101, 26). А какие у бестелесного Бога могут быть бестелесные руки, создавшие твердь и небеса, толкует сам пророк, говоря; *Словом Господним небеса утверждены, и Духом уст Его вся сила их* (Пс. 32, 6). Но как у Бога Слово не устами произносимое, но живое, самостоятельное, вседейственное, так у Бога и Дух не разли-

вающееся дыхание, не рассеивающийся воздух, но сила освящающая, самосушная, самобытная, самостоятельная (4).

* * *

Величия Божия и славы Божией, которые и словом необъемлемы, и умом непостижимы, невозможно ни изобразить, ни представить одним речением или понятием. Богодухновенное же Писание с помощью многих речений, обращающихся в нашем употреблении, едва приблизило их к понятию чистых сердцем, и то представив, как в зеркале. Ибо зрение *лицем к лицу* и совершенное познание, по обетованию (1 Кор. 13, 12), дано будет достойным в будущем веке (5).

* * *

Бог знает правду и мудрость, Сам будучи Правдой и Премудростью, но не знает неправды и лукавства, потому что Сотворивший нас Бог не есть неправда и лукавство (6).

Богатство

Познай, человек, Даровавшего. Вспомни себя самого, кто ты, к чему приставлен, от Кого получил это [богатство], за что предпочтен многим. Ты служитель благого Бога; приставник подобных тебе рабов: не думай, что все приготовлено для твоего чрева; о том, что у тебя в руках, рассуждай как о чужом. Оно не долго повеселит тебя, потом утечет и исчезнет; но у тебя потребуют строгого в этом отчета. А ты все держишь взаперти, за дверьми и запорами, и, приложив печати, не спишь от забот, и раздумываешь сам с собой, слушаясь безумного советника – себя самого (1).

* * *

Подражай земле, человек; приноси плоды, как она, чтобы не оказаться тебе хуже неодушевленной (земли). Она возрастила плоды не для своего наслаждения, но на служение тебе. А ты, если и явишь плод благодворения, то соберешь его сам для себя; потому что благодворность добрых дел возвращается к дающим. Подал ты алчущему? И поданное тобой возвращается к тебе с приращением. Как хлебное зерно, упав в землю, обращается в прибыль бросившего, так хлеб, поверженный алчущему, впоследствии приносит стократную пользу. Поэтому конец земледелия да будет для тебя началом небесного сеяния; ибо сказано: *сейте себе в правду* (Ос. 10, 12).

Для чего же ты беспокоишься? Для чего мучишь себя, усиливаясь заключить богатство свое в глину и кирпич? *Доброе имя лучше большого богатства* (Притч. 22,1). А если уважаешь деньги за честь, получаемую ради них, то смотри, насколько выгоднее в рассуждении славы именоваться отцом тысяч детей, чем иметь в кошельке тысячи монет. Деньги, и не хотя, оставишь здесь, а славу добрых дел принесешь с собой ко Господу, когда перед общим Судией окружит тебя целый народ, и будут именовать своим кормителем, благодетелем и станут приписывать тебе все имена человеколюбия. Не видишь ли, что на зрелищах ради кратковременного почета, ради народных криков и рукоплесканий тратят богатство на борцов, на шутов и на людей, сражающихся со зверями, на которых иной погнушался бы и взглянуть? А ты скуп на издержки, когда можешь достигнуть такой славы! Хвалить будет Бог, ликовать будут Ангелы, ублажать станут все люди, сколько их ни было от создания мира. Вечная слава, венец правды, Царство Небесное будут тебе наградой за доброе распоряжение этим тленным имуществом. Но ты ни о чем этом не заботишься; стараясь о настоящем, презираешь чаемое. Итак, назначь богатство на разные употребления, поставляя великолепие и славу в издержках на нуждающихся. Пусть и о тебе будет сказано: *он расточил: дал убогим, правда его пребывает в век века* (Пс. 111, 9). Не дорожись, повышая цену во время нужды; не выжидай скудости в хлебе, чтобы отворить свои житницы, ибо *кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ* (Притч. И, 26). Не жди голода для золота, ни общей скудости для собственного своего обилия. Не корчемствуй⁹ людскими бедствиями; гнева Божия не обращай в случай к умножению у себя денег. Не раздирай ран у тех, которые биты бичами (1).

* * *

Послушайтесь меня и, растворив все двери своих сокровищниц, дайте богатству беспрепятственный выход; как будто великой реке, которая через тысячи протоков орошает много-

⁹ Не корчемствуй – не наживайся, не пользуйся.

плодную землю, дайте и вы богатству различными путями вливаться в дома бедных! В колодцах, через вычерпывание, вода делается лучшей; а если колодцы запущены, то вода в них загнивает, – и застой богатства бесполезен, а движение его и переходение из рук в руки общеплезно и плодоносно. Сколько похвал от облагодетельствованных! И ты не презирай их. Какая награда от праведного Судии! И ты не сомневайся в ней.

Всюду да будет перед тобой пример осуждаемого богача (см. Лк. 12, 16–20), который, охраняя настоящее, беспокоясь об ожидаемом и не зная наверно, проживет ли завтра, сегодня уже грешит и на завтрашний день (1).

* * *

Не ради одежды и не ради пищи многим вожделенно богатство; напротив, диавол придумал какой-то хитрый способ доставлять богатым тысячи случаев к издержкам; поэтому они домогаются излишнего и бесполезного, как чего-то необходимого – и всего им мало на придумываемые ими траты. Разделяют богатство на нужду настоящую и на нужду будущую: часть отлагают себе и часть детям; потом и это делят на покрытие разных трат. Послушай, какие у них распоряжения: эта часть, говорят, пойдет в употребление, а эта отложится в запас; и часть, назначенная на покрытие нужд, пусть превысит пределы необходимости; вот это послужит на домашние расходы, а это отделится на то, чтобы показать себя людям; этого станет на пышность в дороге, а это сделает, чтобы, и сидя дома, жить светло и знатно. А мне остается только дивиться такой выдумке излишеств. У них тысячи колесниц: на одних возят всякую рухлядь, на других, покрытых золотом и серебром, ездят сами. У них множество коней, и они, как люди, ведут родословные по родовитости отцов: одни возят их во время прогулки по городу, другие участвуют с ними на охоте, иные объезжены для дороги. Узды, подпруги, хомуты – все серебряные, все осыпаны золотом; попоны из багряницы украшают коней, как женихов. У них множество мулов, разделенных по цвету; возничие их сменяют друг друга, одни впереди, другие сзади. У них несчетное множество других домашних слуг, чтобы стало для пышности всякого рода: управители, ключницы, землепашцы, обученные всякому ремеслу, и необходимому, и изобретенному для наслаждения и роскоши, повара, хлебники, виночерпии, охотники, ваятели, живописцы, учредители удовольствий всякого рода. У них стада верблюдов, то перевозящих тяжести, то пасущихся, табуны лошадей, гурты быков, овец и свиней; при них свои пастухи; у них своя земля, достаточная для прокормления всего этого (скота) и еще приумножающая богатство получаемыми с нее доходами. У них бани в городе, бани на дачах. Дома сияют мраморами всякого рода – один из фригийского камня, другой из лакедемонской или фессалийской плиты; и одни дома согревают зимой, другие прохлаждают летом; полы испещрены разноцветными камнями, потолки вызолочены; где нет по стенам мрамора, там украшено живописными цветами. А когда, по разделе на бесчисленные траты, богатство остается еще в избытке, его кладут в землю, берегут в тайных местах, потому что будущее неизвестно, как бы не постигли нас какие-нибудь неожиданные нужды.

Точно неизвестно, будешь ли иметь нужду в зарытом золоте, но не неизвестно наказание за бесчеловечные нравы. Когда при бесчисленных выдумках не мог ты расточить богатства, тогда скрыл его в землю. Страшное же безумие – копаться в земле, пока золото еще в рудокопне, а когда оттуда вынута, опять прятать в земле!

А потом, думаю, бывает и то, что, зарывая богатство, зарываешь с ним вместе и сердце. Ибо сказано: *где сокровище твое, там... и сердце* (Мф. 6,21). Потому-то заповеди и тяжелы (для подобных людей); ибо они делают себе и жизнь не в жизнь уже тем, что заняты бесполезными издержками.

И мне кажется, что страсть этого юноши и подобных ему походит на то, как если бы какой путник при сильном желании увидеть город, неумоимо дойдя до самого этого города, потом

остановился бы в какой-нибудь гостинице под городскими стенами по лености сделать небольшой переход, обращая в ничто предшествовавший труд и лишая себя возможности видеть красоты города. Таковы и те, которые предпринимают, правда, сделать иное, но не соглашаются отказаться от своего имения. Знаю многих, которые постятся, молятся, вздыхают, оказывают всякое неубыточное благоговение, но не дают ни одного обола тесным нуждой. Какая же для них польза от прочих добродетелей? Их не приемлет Царство Божие. Потому сказано: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Небесное* (Лк. 18,25).

Но хотя приговор так ясен и Изрекший не лжив, однако же убежденных немного. Говорят: «Как же будем жить, оставив все? Какой вид примет жизнь, если все станут продавать, все отказываться от имения?» (см. Лк. 18, 22). Не спрашивай у меня разумения Владычных заповедей; Законодатель знает, как с законом поставить в соответствие и возможность (его исполнения). А у тебя испытывается сердце, как бы на весах, куда оно склонно, к истинной ли жизни или к настоящим наслаждениям. Рассуждающие здраво должны держаться той мысли, что богатство можем употреблять как приставники, а не как имеющие право им наслаждаться. И отказывающиеся от него должны радоваться, как уступающие чужое, а не огорчаться, как лишаящиеся собственности. Для чего же скорбишь? Для чего сетуешь в душе, слыша: *продай имение твое* (Мф. 19,31)? Если бы оно последовало за тобой даже в будущую жизнь, и тогда не надлежало бы столь к нему пристращаться, потому что оно затмевается тамошними почестями. А если необходимо ему остаться здесь, то почему ж не продать его и не взять туда с собой вырученной от него прибыли? Но ты, отдавая золото и приобретая коня, не унываешь, а уступая тленное и получая взамен Небесное Царство, проливаешь слезы, отказываешь просящему, отрекаешься от подаяния, придумывая тысячи предлогов к издержкам. Что будешь отвечать Судии – ты, который одеваешь тканями стены, а не оденешь человека; убираешь коней, а равнодушно смотришь на брата, одетого гнусно; даешь гнить пшенице, а не питаешь алчущих; зарываешь в землю золото, а утесненного оставляешь без внимания?

А если и сожительница твоя – женщина богатолюбивая, то двойная болезнь. И прихоти она воспламеняет, и сластолюбие увеличивает, и раздражает суетные пожелания, придумывая какие-то камни – жемчуга, изумруды, яхонты, употребляя золото, то кованое, то тканое, и усиливая болезнь глупостями всякого рода, потому что не между делом занимаются этим женщины, но дни и ночи проводят в заботах об этом. И тысячи каких-то ласкателей, угождая их пожеланиям, приводят красильщиков, серебряников, мироваров, ткачей, набойщиков. Ни на минуту не дает вздохнуть мужу, муча его непрерывными своими приказами. На удовлетворение женских пожеланий не станет никакого богатства, хотя бы оно текло реками; когда им захочется иметь у себя привозимое от варваров миро, как масло с рынка, морские цветы, раковины, морское перо, и в большем еще количестве, нежели овечью шерсть. А золото, служа оправой драгоценным камням, составляет у них убор то на челе, то на шее, то в поясах или оковывает собой руки и ноги. Ибо златолюбивым женщинам приятно носить на руках оковы, только бы оковывало их золото. Поэтому когда позаботиться о душе человеку, который обслуживает женским пожеланиям? Как от бурь и непогод тонут непрочные корабли, так от худых склонностей жен гибнут немощные души их сожителей. А богатство, расточаемое на столько предметов и мужем, и женой, которые превосходят друг друга в изобретении суетных трат, естественным образом не имеет уже никакого случая перейти к посторонним. Если слышишь: *продай имение твое и раздай нищим*, чтобы иметь напутие к вечному блаженству, – отходишь с печалью. Если же скажут: отдай деньги роскошествующим женщинам, отдай каменотесам, столярам, мозаикам, живописцам, – ты радуешься, как приобретающий нечто драгоценнейшее денег (1).

* * *

Всмотрись, человек, в природу богатства. Что тебя удивляет так в золоте? Золото – камень, серебро – камень, жемчуг – камень, камень и всякий из камней: хризолит, берилл, агат, яхонт, аметист, яшма. Это цветы богатства, часть их кладешь ты в скрытность, самые прозрачные камни покрывая тьмой, а часть носишь на себе, тщеславясь блеском этих драгоценностей. Скажи: какая тебе польза вертеть руку, блестящую камнями? Не стыдно ли тебе, подобно женщинам во время беременности, прихотливо желать камней? Как они гложут камни, так и ты жаден до этих цветных камней, разыскивая сардоников, яшмы, аметистов. Какой любитель нарядов мог прибавить хотя один день своей жизни? Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болезнь ради денег? Долго ли золоту быть силками для душ, удой¹⁰ смерти, приманкой греха? Долго ли богатству служить предлогом к войнам, из-за которого куют оружие, изоцряют мечи? Ради него родные не знают естественных уз, братья смотрят друг на друга убийством. Ради богатства пустыни питают в себе убийц, море – разбойников, города – ябедников. Кто отец лжи? Кто виновник ложных подписей?

Кто породил клятвопреступление? Не богатство ли? Не старание ли о богатстве? Что с вами делается, люди? Кто вашу собственность обратил в средство уловлять вас? Имение дано вам в пособие жизни, а не в напутие к злу, на искупление души, а не в повод к гибели.

«Но богатство необходимо для детей». Это благовидный предлог любостыжательности; ссылаетесь на детей, а удовлетворяете собственному сердцу. Не вини невинного; у него свой есть Владыка, свой Домостроитель; от другого получил он жизнь, от Него ожидает средств к жизни. Разве не для вступивших в браки написаны Евангелия? *Если хочешь быть совершенным... продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19,21). Ужели когда у Господа просил ты благочадия, когда молился, чтобы быть тебе отцом детей, присовокуплял в молитвах это: дай мне детей, чтобы преслушать¹¹ заповеди Твои; дай мне детей, чтобы не достигнуть Небесного Царства? Кто же будет поручителем за произволение сына, что он употребит данное как должно? Богатство многим послужило к распутству. Не слышишь ли, что говорит Екклесиаст: видел я недуг великий и страшный: *богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему* (Еккл. 5,12); и еще: *должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он или глупый?* (Еккл. 2, 18–19). Итак, смотри, чтобы тебе, со многими трудами собрав богатство, не приготовить для других средства для грехов и потом не понести двойного наказания: и за то, что сам делал неправду, и за то, что другого снабдил к тому средствами. Душа не ближе ли тебе всех детей? Не в ближайшем ли она с тобой свойстве, нежели все прочее? Ей первой дай лучшую часть наследия, ей доставь богатые средства к жизни и тогда уже дели имение детям. Дети, и ничего не наследовав от родителей, нередко наживали себе дома; но кто сжалится над душой, если она тобой оставлена?

До сих пор сказанное говорено было отцам. Бездетные же какую представляют нам благовидную причину бережливости? «Не продаю имения, не даю нищим по причине необходимых нужд в жизни!» Следовательно, не Господь – твой Учитель; не Евангелие служит правилом для твоей жизни. Но сам ты даешь себе законы. Смотри же, в какую опасность впадаешь, рассуждая так! Если Господь предписал нам это как необходимое, а ты отвергаешь как невозможное, то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнее Законодателя.

«Но насладившись богатством в продолжение всей жизни, по смерти сделаю бедных наследниками своего имения, письменно и в завещаниях объявив их владельцами всего моего». Когда не будешь уже в кругу людей, тогда сделаешься человеколюбивым. Когда увижу

¹⁰ Уда – удочка.

¹¹ Преслушание – непослушание, нарушение.

тебя мертвецом, тогда назову братолюбцем. Великая тебе благодарность за щедролюбие, что, лежа в гробнице и разрешившись в землю, стал ты щедр на расходы и великодушен! Скажи мне, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни или за время после смерти? Но пока был ты жив, тратил жизнь на удовольствия, погружался в роскошь, тебе несносно было и взглянуть на бедных; а у умершего какая деятельность? На какую награду имеют право поступки его? Покажи дела и требуй воздаяния. Никто не торгует, когда торг кончился; никто не увенчивается, если пришел по окончании борьбы; никто не показывает своего мужества после брани. Поэтому, как очевидно, и после жизни невозможно стать благочестивым. Обещаешься делать благотворения чернилами и на письме. А кто скажет тебе время отшествия? Кто поручится, какой будет род смерти? Сколько людей были похищены из жизни в сильных припадках, так что от страдания не могли произнести и одного слова? Как многих горячка делала не владеющими умом? Для чего же ждешь времени, в которое, как часто случается, не будешь господином своих помыслов? Глубокая ночь, тяжкая болезнь, а помощника нет; простиравший замыслы на наследство готов, все устроил в свою пользу, и твои намерения делает неисполнимыми. Тогда-то, оглянувшись туда и сюда и видя окружающую тебя пустоту, почувствуешь наконец свое безрассудство, тогда-то вздохнешь о своем неразумии, что до такого времени отлагал ты исполнение заповеди, когда и язык ослабевает, и дрожащая рука трясется уже от предсмертных содроганий, и ты ни на словах, ни на письме не можешь объявить своей воли. Да если и все явственно написано и всякое слово отдельно произнесено, одной вставленной буквы достаточно, чтобы переменить твое распоряжение; одна поддельная печать, два или три неправедные свидетеля могут передать все наследство другим.

Для чего же обманываешь сам себя? Теперь худо распоряжаешься богатством на плотские наслаждения, а впоследствии обещаешь то, над чем не будешь уже господином. Худо, как показало слово, твое намерение. Пока жив, буду наслаждаться удовольствиями, а умирая, исполню заповеданное. И тебе скажет Авраам: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей* (Лк. 16, 25). Путь узкий и тесный не приемлет тебя, который не сложил с себя бремени богатства; ты пошел, неся его на себе, а не сбросив, как было тебе велено. Во время жизни себя самого ты предпочитал заповеди, а по смерти и разрушении предпочел заповедь врагам; говоришь, чтобы не досталось такому-то, пусть возьмет Господь. Чем же назвать это: мщением ли врагам или любовью к ближнему? Прочитай свое завещание. «Хотелось бы мне еще пожить и насладиться своим имуществом». Благодарность – смерти, а не тебе: если б ты был бессмертен, то не вспомнил бы о заповедях. *Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7). Мертвое не приводится к алтарю: принеси жертву живую. Кто приносит избытки, тот не приемлется; а ты, что осталось в избытке после целой жизни, то приносишь Благодетелю. Если остатками трапезы не смеешь угощать знаменитых людей, то как же осмеливаешься остатками умилостивлять Бога?

Видите, богатые, конец богатолюбия и перестаньте пристращаться к имению. Чем более ты любишь богатство, тем паче ничего не оставляй из своего имения. Все обрати в свою собственность; все бери с собой, не оставляй богатства чужим. Может быть, что и домашние твои не облечат тебя в последнее украшение, но откажут в погребении, оказывая свое расположение уже наследникам. Или еще станут тогда умствовать к твоей невыгоде и скажут; глупо наряжать мертвого и с большими издержками хоронить ничего уже не чувствующего. Не лучше ли оставшимся наряжаться в дорогую и блистательную одежду, нежели вместе с мертвецом гноить многоценные одеяния? Какая польза в великолепном памятнике, в богатом погребении, в бесплодных издержках? Оставшееся надобно употребить на необходимое для жизни. Вот что скажут, чтобы и тебе отомстить за несносные твои поступки, и твоим именем услужить наследникам. Поэтому предварительно соверши над собой погребение; и прекрасное погребение – благочестие. Отойди отсюда, облекшись во все; обрати богатство в собственное свое украшение, имей его при себе. Поверь прекрасному Советнику, возлюбившему тебя Христу,

нас ради обнищавшему, *дабы мы обогатились Его нищетой* (2 Кор. 8, 9), давшему Себя для избавления нас (1 Тим. 2,6) (1).

* * *

Пусть покажут читатели любостяжания, собирающие до преизбытка богатство, какая сила или польза их сокровищ, если разгневанный Бог еще долее продлит наказание¹²! Вскоре желтое золота сделаются те, которые копят его, если не будет у них хлеба, вчера и за день презираемого по удобству иметь его в обилии. Представь, что нет продающего, что хлеба не стало в житницах. Какая тогда польза в тяжелых мешках с деньгами? Скажи мне: не вместе ли с ними будешь зарыт в землю? Не земля ли – золото? Не бесполезное ли брение¹³ будет лежать подле брения – тела? Все приобрел ты, но нет у тебя одного необходимого – возможности пропитать себя самого. Из всего твоего богатства сделай хотя одно облако, придумай способ произвести несколько дождевых капель, побуди землю к плодородию, прекрати бедствие своим гордым и величавым богатством. Может быть, призовешь на помощь кого-либо из мужей благоговейных, чтобы тебе своими молитвами, как Илия Фесвитянин, даровал облегчение бедствий человек бедный, не имеющий у себя ни собственности, ни обуви, ни жилища, ни теплого угла, ни других пособий жизни, прикрытый одним хитоном, как Илия милотью¹⁴, воспитанник молитвы, сотрапезник воздержания. И если получишь просимую у такого человека помощь, не посмеешь ли тогда над богатством, требующим многих забот? Не плюнешь ли на золото? И серебро, которое прежде называл всесильным и прелюбезным, не бросишь ли, как нечистоту, узнав, что оно – слабый помощник в нужде? (1)

Если кто давно уже уловлен; или прах богатства собрал себе неправдой и ум связал заботами о нем, или очернил естество свое неизгладимой скверной любострастия, или преисполнился другими винами, то он, пока еще время, пока не дошел до совершенной гибели, да сложит с себя большую часть бремени, и, прежде потопления ладьи, да побросает из своего груза, что собрал незаконно, и да подражает морским промышленникам. Они, если и нужное что случится везти на корабле, но поднимется на море сильное волнение, и кораблю, подавляемому грузом, станет угрожать потоплением, с возможной скоростью снимают большую часть тяжести и без пощады выкидывают товар в море, чтобы корабль шел выше волны и чтобы самим, если только можно, хотя душу и тело спасти от опасности. А нам, конечно, гораздо больше их надобно подумать об этом и делать это. Они, если что сбросят, теряют это в ту же минуту, и их окружают уже невзгоды нищеты. А мы чем больше уменьшаем лукавое бремя, тем больше и лучше копим богатство для душ; потому что блуд и все подобное, если сброшено, погибают, и истребляемое слезами обращается в ничто, на место же их вступают святость и праведность – вещи легкие, никогда не затопляемые никакими волнами. А имущества, прекрасно изринутые, не погибают для тех, которые их изринули и бросили, но как будто переложены в какие-то другие надежные корабли, то есть во утробы бедных, спасаются и достигают пристаней, и извергнувшим их соблюдается украшение, а не опасность.

Итак, возлюбленные, положим сами о себе человеколюбивое определение, и бремя богатства, если хотим обратить его в свою прибыль, разделим многим, а они с радостью понесут его и положат на сохранение в недрах Владыки, – в этих безопасных сокровищницах, *где ни моль... не истребляет, ни разбойники не подкапывают и не крадут* (Мф. 6, 20). Дадим свободу богатству, когда оно хочет через край литься к нуждающимся. Не будем проходить мимо Лазарей, еще и ныне лежащих перед нашими глазами, не пожалеем со своей трапезы крупниц,

¹² Речь идет о засухе.

¹³ Брение – распушенная глина, грязь.

¹⁴ Милоть – шкура животного.

достаточных для их насыщения, не станем подражать этому жестокосердому богачу и не пойдем вместе с ним в тот же геенский пламень. Иначе много будем умолять тогда Авраама, умолять каждого из живших прекрасно, но не будет нам пользы от вопля, ибо *брат не избавит, избавит ли вообще человек* (Пс. 48, 8)? Каждый же из них скажет нам громко: «Не ищи человеколюбия, которого сам не знал к другим, не думай получить так много ты, скупившийся и на меньшее, наслаждайся тем, что собрал в жизни. Плачь теперь: потому что не миловал тогда брата, видя его плачущим». Вот что скажут нам, и скажут справедливо!

Но боюсь, что поразят нас словами, еще более горькими, потому что мы, как сами знаете, превосходим этого богача лукавством. Не потому, что совершенно скупы на богатство, проходим мы мимо лежащих на земле братий, не потому, что бережем имение детям или другим родным, заграждаем слух, когда просят у нас, напротив, расточаем на худшее и щедрость свою обращаем на поощрение к пороку людей, ему преданных. У многих при столе сколько собрано мужей и жен! Одни забавляют дающего пир срамными словами, другие нескромными взорами и телодвижениями воспламеняют огонь невоздержности, иные колкими шутками друг над другом стараются рассмешить призвавшего, а другие обманывают его ложными похвалами. И не ту одну получают они выгоду, что угощены пышно, но уходят с полными руками всяких даров и узнают через нас, что гораздо полезнее для них – пускаться на дела, подобные этим, и в них упражняться, а не в добродетелях. А если стал перед нами нищий, который едва может говорить от голода, – отворачиваемся от того, кто одного с нами естества, гнушаемся им, поспешно бежим прочь, как бы страхась, что, пойдя медленнее, сделаемся участниками в том же бедствии. И если он, стыдясь своего несчастья, потупляет взоры в землю, говорим, что промышляет лицемерием. Если же, понуждаемый жестоким голодом, смотрит на нас смело, называем бесстыдным и наглым. Если, по случаю, покрыт крепкой одеждой, которую кто-нибудь ему подал, гоним его от себя, как ненасытного, и клянемся, что нищета его притворная. А если прикрыт согнившими рубищами, опять гоним прочь за зловоние, и, хотя к просьбам своим присовокупляет он имя Творца, хотя непрестанно заклинает, чтобы и мы подверглись подобным страданиям, никак не может переменить нашего безжалостного решения. За это-то боюсь тягчайшего геенского огня в сравнении с тем богачом (1).

* * *

Если иные собрали в этой жизни несметное множество золота, оно не остается навсегда их собственностью, но или еще при жизни их, как бы крепко ни запирали отовсюду, ускользает, переходя к сильнейшим, или оставляет их при смерти и не хочет идти вслед за своими обладателями. Напротив, они, увлекаемые в необходимый путь Тем, Кто насильно разлучает душу с этим жалким телом, часто обращая взоры к деньгам, оплакивают труды, с юности для них употребленные; а богатство смотрит в чужие руки, впечатлевая на них только следы утомления при собирании и укор в любостыжании. И если бы кто-либо приобрел тысячи десятин земли, великолепные дома, стада животных всякого рода, облечен был у людей всяким владычеством, то не век будет наслаждаться этим, но, ненадолго попользовавшись от этого именитостью, другим опять уступит свое богатство, сам покрывшись малым количеством земли, а нередко и до гроба, до переселения своего отсюда, увидит, что имущество его переходит к другим, и, может быть, к врагам. Ужели не знаем, сколько полей, сколько домов, сколько народов и городов еще при жизни своих владетелей облеклись в имена других владельцев? (1)

* * *

Преступившие пределы потребностей, подобно несущимся вниз по скату, не имея перед собой ничего такого, на чем бы удержаться, нигде не останавливаются в своем стремлении

вперед, но чем более простираются вперед, тем больше для удовлетворения пожелания имеют нужду в равном прежнему или еще в большем, по изречению Ексикестидова сына, Солона¹⁵, который говорит: «В богатстве у людей нет явного предела». В этом же надо взять себе в учителя Феогнида¹⁶, который говорит: «Не люблю и не желаю богатств, а только бы прожить мне малым, не встретив ничего худого». А я дивлюсь презрению всего вообще человеческого в Диогене, который доказал, что он богаче и великого царя, потому что меньше его имеет нужд в жизни.

А нам, если нет у нас такого же числа талантов, как у Пифия мисийского, нет стольких десятин земли, нет стад скота, которых бы нельзя было и перечесть, нам все еще мало.

Но думаю, что, когда нет богатства, не должно его желать, а когда оно есть, надо думать не о том, что обладаешь им, но о том, умеешь ли располагать им. Прекрасно изречение Сократа¹⁷, который об одном богатом человеке, высоко думавшем о деньгах, сказал, что не прежде станет удивляться ему, как изведав, умеет ли пользоваться ими. Фидий и Поликлет, если бы много стали превозноситься золотом и слоновой костью, из которых первый сделал илиянам Дня, а другой аргивянам Иру¹⁸, подверглись бы посмеянию за то, что, хвастаясь чужим богатством, оставили в стороне искусство, от которого и золото стало приятнее и драгоценнее. А мы, предполагая, что человеческая добродетель сама по себе недостаточна для украшения, думаем о таком своем поступке, что он менее постыден! (1)

* * *

Богатые обнищали и взалкали, а ищущие Господа не будут лишены никакого блага (Пс. 33, 11). Слово это научает нас и презрению вещественного богатства, показывая непрочность изобилия в имуществе. Ибо богатство не постоянно и, как волна, гонимая силой ветров, обыкновенно течет туда и сюда... (2) *Всесовершенное благо есть сам Бог, Которого не будут лишены все ищущие* Его. Если кто невежествен, имеет неясное понятие о добре и зле, то и он да не называет благим находящего наслаждение во временном, которое преходит с разрушением тела. Ибо кто вещественное богатство и плотские преимущества возводит на степень благ, тот низким и никакого внимания не заслуживающим вещам присваивает достопоклоняемое и одному Богу приличное имя, и вместе с тем впадает в самое грубое противоречие. Ибо или должен сказать, что апостолы не получили телесных благ, потому что не взыскали Господа, или, если и взыскав, не имели таких благ, должен обвинить самое Писание, которое говорит, что *ищущие Господа не будут лишены никакого блага*. Напротив, святые и Господа взыскали, и не остались без разумения самого взыскуемого, и не лишились благ, уготованных в вечном упокоении. Ибо о них можно в собственном смысле сказать: *никакого блага*, потому что телесные наслаждения заключают в себе более болезненного, чем приятного; супружество – бесчадие, вдовство – растление; земледелие – бесплодие; торговля – кораблекрушения; богатства – козни; роскошь – пресыщение, и частые наслаждения – разного рода болезни и многовидные страсти. Взыскал Господа Павел, и не был лишен *никакого блага*, а между тем, кто исчислит телесные скорби, в

¹⁵ Солон (ок. 640–560 гг. до Р. Х.) – афинский политический деятель и поэт из знатного, но обедневшего рода.

¹⁶ Феогнид (примерно 2-я половина 6 в. до Р. Х.) – греческий поэт из Мегары, выходец из старого аристократического рода. Автор «Элегий», в которых рассказывает своему юному другу о нравственных принципах аристократов.

¹⁷ Сократ (470–399 гг. до Р. Х.) – греческий философ. Жил в Афинах. Сократа занимало лишь нравственное воспитание граждан. Он считал, что философия призвана совершенствовать человека, т. к. правильные поступки обусловлены истинным знанием, а добродетель можно воспитать.

¹⁸ Фидий – выдающийся древнегреческий скульптор периода высокой классики 5 в. до Р. Х. Творил в Афинах, Дельфах, Олимпии. Илияне – жители Илиона, эолийской колонии близ города Трои. Дий – Зевс. Поликлет – древнегреческий скульптор 2-й половины 5 в. до Р. Х. Работал в Афинах, Эфесе, Олимпии, Аргосе. В Аргосе (аргивянам) он создал культовое изображение богини Геры (Иры) из золота и слоновой кости.

которых он проводил всю свою жизнь? *Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях... в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе* (2 Кор. И, 25–27). И что же? Человек, который до последнего часа был алчущим и жаждущим, терпел наготу и страдания, ужели не лишен был телесных благ? Поэтому возведи мысль твою к истинному благу, чтобы уразуметь тебе и согласие Писания, и самому себя не запутать обоюдностью понятий (2).

Богатый

Что же говорит богатый? *Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись* ежедневно (Лк. 12, 19). Какое безумие! Если бы у тебя была душа свиньи: чем иным, кроме этого, порадовал бы ты ее? Настолько ты скотоподобен, до того несведущ в душевных благах, что предлагаешь душе плотские снеди! Что принимает в себя чрево, то назначаешь ты душе. Ежели в душе есть добродетель, ежели исполнена она благих дел, ежели близка к Богу, то имеет *много добра*, и пусть веселится прекрасным душевным весельем. Но поскольку мыслишь ты земное – чрево у тебя богом (Флп. 3, 19), весь ты стал плотским, поработился страстям, то выслушай приличное тебе наименование, которое дал тебе не кто-либо из людей, а Сам Господь: *безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20). Такое осмеяние безрассудства тягостнее вечного наказания! (1)

Богопознание

Что знаем о Боге? *Овцы Мои слушаются голоса Моего* (Ин. 10, 27). Вот как уразумевается Бог – через слышание заповеди Его и через исполнение слышанного. Вот ведение Бога – соблюдение заповедей Его. Почему же не пытливое уразумение сущности Божией, не изыскание премирного, не примышление невидимого? *Знают Моих, и Мои знают Меня* (Ин. 10, 14). Довольно тебе знать, что Пастырь добр, что положил душу за овцы. Вот предел богопознания! А как велик Бог? Какая мера Его? Каков Он в сущности? – Подобные вопросы опасны для вопрошающего и затруднительны для вопрошаемого. Лучшее обращение с ними – молчание. *Овцы Мои слушаются голоса Моего*, – сказал Он, а не спорят о нем, то есть не остаются преслушными, не входят в состязания.

Слышал ты Сына; сам не входи в тонкости об образе рождения, не подводи под причину не условливаемого причиной, своим сечением не разграничивай соединенного. Поэтому предварительно оградил тебя евангелист; и прежде ты слышал, и слышишь, конечно: *в начале было Слово* (Ин. 1, 1). Чтобы не почесть тебе Сына человеческим порождением, происшедшим из несуществующего, евангелист сказал тебе: *Слово*, означая бесстрастие; сказал: *было*, означая, что не во времени; сказал: *в начале*, чтобы рожденного соединить с Отцом. Видишь, как покорная овца слушает Владычного гласа. *В начале, и было, и Слово*. Не говори, как *было!* И если *было*, то не рождено; а если рождено, то не *было*. Кто говорит так, уже не овца: кожа овцы, а изнутри говорит волк. Пусть знают наветники! *Овцы Мои слушаются голоса Моего*. Слышал ты Сына; уразумей подобие Его Отцу, говорю: подобие, – по немощи сильнейших, а по самой истине (не боюсь приступить к истине, я не склонен к клевете), разумею тождество, сохраняя личные свойства Сына и Отца. В Ипостаси Сына представляй Отчий образ; только соблюди точное понятие изображения, только разумея богочестно: *Я в Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 10), представляя себе не слияние сущностей, но тождество отличительных черт (1).

Брак

Мужья, любите своих жен (Еф. 5, 25), хотя вы чужды были друг другу, когда вступали в брачное общение! Этот узел естества, это иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими! Ехидна, самая лютая из пресмыкающихся, для брака сходится с морской муреной и, свистом извещая о своем приближении, вызывает ее из глубин для супружеского объятия. И она слушается и вступает в соединение с ядовитой ехидной. К чему клонится эта речь? К тому, что, если и суров, если и дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза. Он буен? Но муж. Он пьяница? Но соединен по естеству. Он груб и своенравен? Но твой уже член и даже драгоценнейший из членов.

Да выслушает и муж приличное ему наставление! Ехидна, уважая брак, предварительно извергает свой яд, неужели же ты из уважения к союзу не отложишь жестокосердия и бесчеловечия? Но пример ехидны, может быть, и иначе послужит нам на пользу, потому что соединение ехидны с муреной есть некоторое прелюбодеяние в природе. Да вразумятся же те, которые посягают на чужое брачное ложе. Какому пресмыкающемуся уподобляются они? У меня одна цель – все обращать в назидание Церкви. Да укротятся страсти невоздержанных, обуздываемые примерами, взятыми с суши и моря! (2)

* * *

Упражнение в благоугождении Богу, по Евангелию Христову, бывает успешно при удалении от мирских попечений и при совершенном удалении себя от развлечений. Поэтому апостол, хотя брак дозволен и удостоен благословения, налагаемые им на человека заботы противоположил попечениям о Боге, как будто бы те и другие не могут быть совмещены между собой, и сказал: *неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене* (1 Кор. 7, 32–33) (5).

* * *

Спрошенный кем-то, позволительно ли ему брать за себя в замужество сестру умершей жены, он [Диодор]¹⁹ не содрогнулся от этого вопроса, но спокойно выслушал и даже с великой отважностью и жаром помогал исполнению этого нечистого пожелания. Поэтому если бы письмо было у меня, то послал бы его к тебе, чтобы можно тебе было защитить и себя, и истину. Поскольку же показавший мне письмо взял его назад и носил его всюду, как знак победы надо мной, запрещавшим ему это вначале, и говорил, что имеет письменное на то дозволение, написал я теперь к тебе, чтобы нам в две руки напасть на его подложное письмо и не оставить у него никакой силы; и чтобы письмо не могло уже удобно вредить читающим.

Итак, первое, что можем противополжить этому и что особенно важно в подобных делах, есть соблюдающийся у нас обычай, имеющий силу закона, потому что уставы преданы нам святыми отцами. Обычай же этот таков: если кто-то, одержимый страстью нечистоты, впадает в незаконное сообщение с двумя сестрами, то не признавать этого за брак и вообще не прежде принимать его в церковное собрание, как по взаимном их разлучении. Почему если бы

¹⁹ Некто от имени Диодора пустил в ход письмо, в котором рассуждалось о позволительности брака с сестрой умершей жены вопреки запрещению св. Василия, сделанному им еще в начале его епископства. По этому случаю св. Василий в настоящем письме подтверждает свое запрещение обычаем Церкви; решает возражение, основанное на одном месте из книги Левит; показывает, что и у Моисея есть это запрещение, наконец, замечает, что подобными браками смешивается плотское родство.

и нечего было сказать, кроме этого, то обычая этого достаточно было бы к охранению благонравия. Но как написавший письма покусился ввести это зло в общежитие, то и мне необходимо не отказываться от пособия умозаключений, впрочем, в делах очень ясных собственное убеждение каждого важнее доводов разума. Он говорит: в книге Левит написано: *не бери жены вместе с сестрою ее, чтобы сделать ее соперницею, чтоб открыть наготу ее при ней, при жизни ее* (Лев. 18, 18). Из этого видно, продолжает он, что дозволяется взять сестру умершей жены. На это, во-первых, замечу: что ни говорит закон – говорит живущим под законом, ибо иначе будет подлежать и обрезанию, и субботе, и воздержанию от яств. Ибо, конечно, не тогда только будем подчинять себя игу рабства законного, когда встретим что-либо способствующее нашим удовольствиям, а если в узаконенном окажется что тяжкое, тогда прибегнем к свободе о Христе. Нас спрашивали: писано ли, чтобы брать в жену после сестры? И мы отвечаем, что для нас безопасно и справедливо, а именно, что этого не писано. Через наведение же из последствия заключать о том, что умолчано, – дело законодателя, а не толкующего закон; иначе если захочет кто-то, то может отважиться и при жизни жены взять сестру ее. Ибо то же самое лжеумствование и к этому может быть приложено. Скажет, писано; «да не поймешь в наложницу»; следственно, не запрещено взять не в наложницы. А кто потворствует страсти, тот будет утверждать, что нрав у сестер не ревнивый. Когда же уничтожена причина, по которой запрещено сожитие с обеими, тогда будет ли какое препятствие взять двух сестер? Но на это скажем: этого не писано; а также и то не определено; между тем как связь понятий делает оба заключения равно позволительными. Но чтобы освободиться от затруднений, надо вникнуть несколько в обстоятельства, предшествовавшие законоположению. Законодатель, по-видимому, объемлет не все роды грехов, но запрещает собственно грехи египтян, откуда Израиль вышел, и грехи хананеев, к которым переселялся. Ибо читается так: *по делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую Я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите* (Лев. 18, 3). Почему вероятно, что этот род греха не был тогда обыкновенным у тех народов; потому и Законодатель не имел нужды предохранить от него, но удовольствовался неизученным обычаем к внушению отвращения от преступления. Почему же, запретив большее, умолчал о меньшем? Потому что многим плотолюбцам к сожитию с живыми еще сестрами служил, по-видимому, во вред пример патриарха. Что же надо делать нам? Читать ли написанное или дополнять умолчанное? Например: в законах этих не написано, что отцу с сыном не должно иметь одной наложницы; но у пророка ставится это в великое преступление. Ибо говорит: *даже отец и сын ходят к одной женищине* (Ам. 2, 7). Но о скольких других родах нечистых страстей, какие изобретены в училище демонов, умолчало Божественное Писание, чтобы святость свою не осквернить именованьями гнусных пороков, и предало осуждению эти нечистоты родовыми их названиями? Так и апостол Павел говорит: «А блуд же и нечистота не должны далее именоваться у вас, как подобает святым» (ср. Еф. 5, 3), именем нечистоты означая все срамные дела как мужчин, так и женщин. Поэтому молчание Писания вовсе не делает ненаказанным сластолюбца.

А я скажу, что Законодатель не только об этом не умолчал, но весьма строго запретил. Ибо сказанное: «никто не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу, ни к какой родственнице по плоти» (ср. Лев. 18,6), – заключает в себе и этот вид сродства. Ибо что ближе мужу жены его, или, лучше сказать, собственной плоти его, потому что они уже составляют не две, но одну плоть? Поэтому по жене и сестра ее переходит в родство к мужу. Как не возьмет в супружество мать жены или дочь жены по той причине, по какой не берет свою мать и свою дочь, так не возьмет и сестру жены по той же причине, по какой не берет свою сестру. И наоборот, жене непозволительно иметь сожитие с родственниками мужа, потому что права родства для обоих общие. А я всякому, советуемому со мной о браке, свидетельствую, что *проходит образ мира сего, и время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие* (1 Кор. 7, 31, 29). Если же укажут мне на заповедь: *плодитесь и размножайтесь*

(Быт. 1, 22), то посмеюсь над не умеющим различать времени законоположений. Второй брак – удержание от блуда, а не подобие распутству. Сказано: *если не могут воздержаться, пусть вступают в брак* (1 Кор. 7, 9); но не сказано: и вступая, да преступают закон.

А эти люди, ослепляющие душу страстью бесчестия, не обращают внимания и на природу, которая давно различила именованья родства. Ибо в каком родстве состоящими наименуют родившихся? Родными ли братьями назовут их друг другу или двоюродными? Потому что то и другое название прилично им по причине смешения. Не делай, человек, тетку мачехой детям, и ту, которая должна лелеять их вместо матери, не вооружай непримиримой ревностью. Ибо одни мачехи простирают вражду и по смерти. Лучше же сказать, другие враги примиряются с умершими, а мачехи начинают ненависть только со смерти.

А главное в сказанном мною то: если кто желает брака по закону, то открыта для него целая Вселенная; если же желание его страстное, то поэтому да будет для него заключена большая часть, да научится *соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения* (1 Фес. 4, 4–5) (6).

* * *

О троебрачных и многобрачных положено, с соблюдением соразмерности, то же правило, какое и о двоебрачных. Двоебрачным назначают год, а иные два; троебрачных отлучают на три, а часто и на четыре года. И таковой брак называют уже не браком, но многоженством, лучше же сказать подвергшимся осуждению блудом, потому что и Господь самарянке, которая имела одного за другим пятерых мужей, говорит: *которого ныне имеешь, не муж тебе* (Ин. 4,18), показывая, что преступившие меру двоебрачия, недостойны уже называться именем мужа или жены. Но мы, следуя не правилу, а примеру предшественников, приняли в обычай для троебрачных пятилетнее отлучение. Должно же не вовсе не допускать их в Церковь, но два или три года удалять их слышания церковных чтений, а после того дозволить им стоять с верными, но удерживать от приобщения Благаго, и таким образом, когда покажут некоторый плод покаяния, возводить их на место приобщения (6).

* * *

Вступившая по неведению в брак с тем, кто оставлен на время женой, а потом отпущенная им по причине возвращения прежней жены, хотя впала в блуд, впрочем, по неведению. Потому ей не возбраняется брак, но лучше, если останется так (6).

* * *

На троебрачие нет закона, поэтому третий брак законом не допускается. На такие дела посмотрим как на осквернение Церкви, но не подвергаем их всенародным осуждениям как более сносные, нежели явное распутство (6).

Брань (борьба) душевная

Надо не только бдительно наблюдать за помыслами, но по возможности удаляться от близкого общения с тем, что всего более, приближаясь к нам, приводит нас на память страсти, тревожит и смущает рассудок и производит в душе брани и борения. Ибо ту брань, которая невольно постигает нас, принимать на себя необходимо, но весьма безрассудно воздвигать самим против себя брань произвольную. В первой и поражение (чего да не будет с Христовыми подвижниками!), может быть, получит извинение, а в последней побежденный сверх того, что бывает осмеян, лишается и извинения (5).

* * *

Бывает у некоторых и другой недуг от невежественных суждений об удалившихся от мира: они думают, что в переменивших образ жизни не расположение одно переменено, но перестроена сама человеческая природа; не рассуждают, что подвижники подвержены тем же страстям и преодолевают их душевной силой и удалением себя от удовольствий, но полагают, что страсти от телесного естества их совершенно устранены. А потому, если человек духовный хоть несколько уклонился от совершенства, тотчас все, даже прежние самые горячие хвалители и почитатели, делаются жестокими обвинителями и сами себя обличают в том, что и прежде расточали похвалы неискренние.

Как на поприще, если какой-то борец поскользнется, противник наступает на него немедленно, наносит ему удары и доводит его до совершенного падения, так и они, как скоро увидят, что живущий в подвиге добродетели уклонился несколько от совершенства, нападают на него, как стрелами поражая его укоризнами и клеветами, а не рассудят в себе, что их самих ежедневно уязвляют страсти тысячами стрел; подвижники же благочестия, если и воюют против них подобные страсти, или терпят от них малый какой-нибудь вред, или часто и вовсе никакого, и притом имея сильнейшего, нежели они, противника. Поскольку подвижники вызвались на борьбу с противником, то для лукавого весьма важно одержать над ними победу, а напротив, остаться побежденным – значит получить смертную рану, как потерпевшему совершенное поражение во всех частях добродетели. А брань с теми, которые предали себя миру, враг презирает частью потому, что весьма многие из них произвольно стремятся к поражению, будучи уловляемы в грех различными удовольствиями и вожделениями и доставляя противнику нетрудную над собой победу, частью же потому, что с виду и противящиеся несколько греху разными развлечениями легко бывают уклонены от борьбы, обращают хребет и, неослабно поражаемые, несут на себе позорные знаки одержанной над ними победы (5).

В

Важное

Сравнительно с порядком, какой соблюдаем в делах маловажных, требуется от нас тщательность и в делах важнейших. *Не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?* (Лк. 13,15–16) (4).

* * *

Показывающий тщательность в менее важном не должен презирать важнейшего; но, исполняя преимущественно важнейшие заповеди, обязан он успевать и в менее важном (4).

Вдовство

Рассказывают о горлице, что она, будучи разлучена с супругом, не терпит уже общения с другим, но проводит безбрачную жизнь, в память прежнего супруга отказываясь от нового союза. Слышите, жены, как честно вдовство, и у бессловесных предпочитается неприличию многобрачия! (2)

* * *

Вдова, если имеет еще телесную крепость, должна проводить жизнь в заботе и тщании, помня сказанное и засвидетельствованное апостолам о Серне: в Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь (Деян. 9,36) (4).

* * *

Вдова, имеющая власть над собой, может неукоризненно пребывать в сожительстве с мужем, если никто не расторгает этого сожительства, потому что апостол сказал: если умрет муж, *свободна выйти, за кого хочет, только в Господе* (1 Кор. 7, 39) (6).

Ведение

Да утешается всякая душа, ищущая ведения о божественном, если у нее такое око, что может искать это и видеть невидимо для чувства, и если, ища, может, по Писанию, обитать у Самого Искомого. Ибо написано: *Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите* (Ис. 21, 12). Приходит же, когда ищет с верою. Ибо хотя случится и не найти, не удаляется от обитания к вере и Искомого, но говорит с блаженным Давидом: *дивно ведение Твое для меня: мощно, не могу постигнуть его!* (Пс. 138, 6); и с отцом бесновавшегося в новомесячье²⁰: *верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9, 24 и Мф. 17,15) (4).

* * *

Кроме блаженного Петра и Иоанна, и другие ученики Господни, которые при непрестанно большем и большем возрастании и преуспевании в настоящей жизни, тем не менее были уверены в превосходстве ведения, предоставленного будущему веку. И после того как оказались достойными избрания Господня, сопребывания с Господом, Его апостольства, раздаяния духовных дарований, после того как слышали: *вам дано знать тайны Царствия Небесного* (Мф. 13,11), после такового ведения по откровении им тайн, неизреченных для прочих, все еще перед самым уже страданием Господним слышат они наконец: *еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить* (Ин. 16,12). Из этого и подобного этому познаем, что богодухновенному Писанию известны как беспредельность познания, так и непостижимость Божественных тайн для природы человеческой в настоящей жизни, потому что хотя каждому по мере его успеха прибавляется непрестанно большее и большее ведение, однако же во всех познание никогда не достигает до совершенства, пока не *настанет совершенное*, когда *то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. 13, 10) (5).

²⁰ Новомесячье – зарождение молодой луны.

Вера

Звери делаются и доказательством веры. Верить ли Господу, сказавшему: *на аспида и василиска наступишь, и попрать будешь льва и змея* (Пс. 90, 13)? И по вере имеешь ты власть попрать змей и скорпионов. Разве не знаешь, что ехидна прикоснувшись к Павлу, когда он собирал хворост, не сделала ему никакого вреда, потому что святой нашелся исполненным веры (см. Деян. 28, 3–6)? А если не имеешь веры, то бойся не зверя, а своего неверия, через которое сделал ты себя от всего удобообразуемым (2).

* * *

И вся дела Его в вере (Пс. 32, 4)²¹. Что значит сказанное? Его дело – небо, Его дел о – земля. Его дело – море, воздух, все неодушевленное, одушевленное, разумное, неразумное. Как же все это в вере? Какая вера в неодушевленных? Какая вера у неразумных? Какая вера в камне? Какая вера во псе? Неодушевленное и неразумное не в вере. Но настоящее изречение ничего не исключило, а все объяло, сказав: *вся дела Его в вере*. Потому, что же значит сказанное? Если, – говорит псалом, – видишь небо и порядок в нем, – это для тебя руководитель к вере, потому что указывает собой на Художника. Если же рассматриваешь порядок на земле, – и через это опять возрастает вера твоя в Бога; ибо, не плотскими очами познав Бога, уверовали мы в Него, но силой ума посредством видимого усматриваем Невидимого. Поэтому *вся дела Его в вере*. Если рассмотришь и камень, то и он служит некоторым указанием силы Создавшего. А то же найдешь, если рассмотришь муравья, или комара, или пчелу; часто и в самых малых вещах видна мудрость Зиждителя. Ибо, Кто распростер небо и наполнил неизмеримую величину морей, Тот и самое тонкое жало пчелы сделал пустым, как свирель, чтобы через него выливался яд. Поэтому *вся дела Его в вере*.

²¹ В переводе П. Юнгера: *все дела Его верны*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.